

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЮРИЯ ОРЛИЦКОГО

Новый мир. № 8. 2010

Благодаря усилиям директора недавно созданного в Северной столице издательства, взявшего себе второе, прославленное Блоком имя Института русской литературы Российской академии наук, исследователям и читателям наконец-то стал доступен целый пласт истории русской культуры рубежа девятнадцатого и двадцатого веков. В книге собрано 101 письмо, большинство из которых принадлежит перу Зинаиды Гиппиус, — в том, что это прежде всего блестящий русский писатель, мы убеждаемся по любому отрывку.

Кроме того, в книгу вошли письма самого Савинкова, Мережковского и Философова: из них вырастают трагические и удивительные судьбы русских людей, парадоксальным образом соединивших в своих судьбах веру в Христа и самые радикальные убеждения, участие в масонских ложах. Например, знаменитый Иван Каляев, убийца великого князя Сергея Александровича, который, как пишет автор предисловия, «молился, держа в руке бомбу, а другой творя крестное знамение». Или другой террорист, Иван Созонов, которого, после того как он бросил бомбу в карету Плеве, «начала преследовать страшная галлюцинация: он бежит с топором в руках, отверженный людьми и Богом. Его рубашка намочена от крови, руки по локоть в крови, кровь стекает с топора».

Наконец, «невеста» Созонова, Мария Прокофьева, тоже принимавшая непосредственное участие в террористических актах эсеров и приговоренная за это к смертной казни, жившая некоторое время, после побега с каторги, в семье Савинкова: с фотографий глядит на нас прекрасное юное лицо (кстати сказать, книга великолепно и богато иллюстрирована). Гиппиус постоянно спрашивает у Савинкова о ее здоровье, искренне сочувствует ей: вообще, все основные террористы-эсеры оказываются в числе корреспондентов семьи Мережковских, настаивающих на природной религиозности русской интеллигенции.

Но главная фигура книги — сам Савинков. Гиппиус направляет его литературные шаги, «устраивает» произведения в печать, делает конкретные замечания, искренне радуется успехам начинающего литератора («С объективной радостью вижу, что Вы не только хороший беллетрист и поэт, но и критик отменный. Литератор со всех сторон!»). А Савинков, в свою очередь, посылает Зинаиде Николаевне свои стихи, спрашивает ее совета, как первокурсник («Как видите, „дым“ и „собой“ изгнаны, но „изображенье“ я оставил. „Отображенье“ точнее и красивее, но „изображенье“, по-моему, проще. Будьте очень доброй, напишите, выиграли ли стихи от изменений? Мне важно это знать, чтобы поверить своему суду»).

С другой стороны, как пишет в предисловии Гончарова, «воспоминания Савинкова, по сути дела, являются дневником его террористической деятельности, хроникой кровавых убийств. Такого разгула террора Россия еще не знала. В фанатизме ненависти, захлестнувшей Россию, не было ни грана религиозной идеи». Ну чем не Достоевский?

Особую ценность придают книге уже упоминавшиеся портреты главных «фигурантов» этого эпистолярия (тут это слово вполне уместно), составившие целый альбом вклеек, а также занимающие две трети книги подробнейшие комментарии. В приложении приводятся статьи Мережковского и Гиппиус о Савинкове, в том числе и малоизвестные. Например, некролог Гиппиус, опубликованный в парижской газете «Последние новости»: «Борис Савинков кончил самоубийством. Нельзя радоваться смерти ближнего; но этот конец несколько примирит с его памятью тех, кто приписывал его переход к большевикам одним только низким мотивам. <...> В сложной психике этого человека, наряду с самыми высокими побуждениями, на которые способен человек, существовали и мелкие страсти, все чаще одерживающие верх над левыми, а к концу политической карьеры крепко державшие в руках волю Савинкова.

Трагедия Савинкова заключалась в том, что карьера эта закончилась раньше, чем умерло его непомерное самолюбие и угасла любовь к жизни и воля к власти. В этой

жизни он давно уже начал чувствовать себя лишним. Именно лишним, а не одиноким, так как одиноким он был всегда. Но прежде сознание одиночества не мешало ему жить. Оно, может быть, даже наполняло его гордостью. Он был одинокий, потому что был единственный. И он любил сознавать себя единственным и действовать как единственный. Его первая специальность, террор, поощрила, развила и укрепила это чувство. В терроре, в конспирации не только можно было, но нужно было быть единственным, повелевать людьми, хладнокровно посылать их на смерть, самому, если можно, оставаясь вне риска. Но Савинков хотел продолжать быть первым и тогда, когда изменилась кругом вся политическая обстановка».